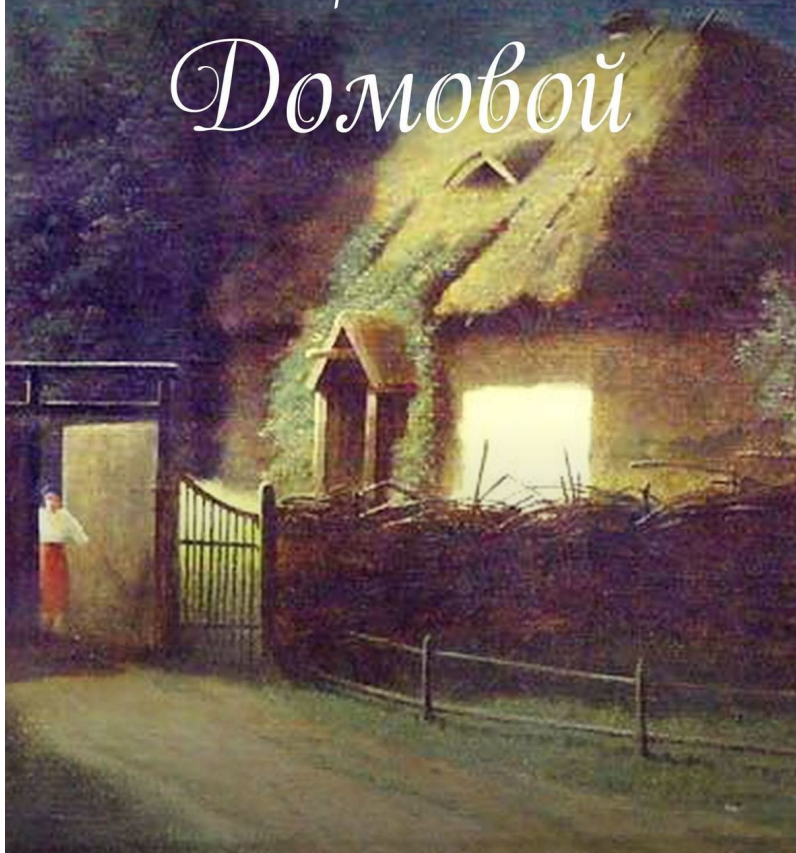


Игорь Солопов

Домовой



Игорь Солопов

Домовой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23988929

ISBN 9785448514982

Аннотация

В истории про Домового Пафнутия появилось продолжение. Удалось ли домовому помириться с хозяином и вернуться домой? Что будет, если все домовые в округе исчезнут и кому это может быть нужно? Деревенское фэнтези про разную нечисть, домашнюю и не очень.

Содержание

Новоселье	5
Ночница	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Домовой

Игорь Солопов

© Игорь Солопов, 2024

ISBN 978-5-4485-1498-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новоселье

Вот и новый дом. Непривычно, конечно, но могло быть и хуже. Намного хуже. Одинокая изба посреди огромного дремучего леса, большой двор, банька, сарай, хлев для скотины. Одним словом, доброе хозяйство. На много километров ни одного города, только далеко, на опушке, расположилась небольшая деревенька. Благодать. То что надо.

Жаловаться было грех. Пафнутий просто скучал по родному дому. Дому, которого больше нет. Как-никак, прожил там сотню лет. А может, и больше. Проклятая цивилизация, как говорил сосед Кузьма, добралась и до них. Избу снесли, вокруг все перерыли, понагнали страшных железных мордоротов и давай строить каменные душегубки в несколько этажей. Им с Кузьмой предлагали там остаться. Говорили про какой-то комфорт, про счастье. Только счастье такое для бездельников и дармоедов: знай присматривай за хозяевами да лежи-отдыхай за печкой. Да и где лежать, печей-то там нет. Вот тебе и комфорт. Кузьма согласился, он неприхотлив. Стар уже, ничего не надо, лишь бы угол был какой-никакой. А Пафнутий не устал, лоботрясом не был, так что комфорт этот не про него. Хотел Пафнутий жить, а не отдыхать – вести хозяйство, ухаживать за скотиной, как настоящий домовой. Кем он, собственно, и был. Что за дрянь такая, эта цивилизация? Много нечисти повидал, но эта – хуже войны.

Пафнутий шел не таясь. Попасться кому-то на глаза не боялся. Место глухое, людей нет, да и ночь на дворе, спят все давно. Прежде чем войти в избу, осмотрелся, побродил по двору, присел у поленницы, подышал. Эх, воздух здесь хороший, природа.

Понравилось Пафнутию место. Оценил наконец, размечтался. Радостно так стало. Просидел и не заметил, как рассвет занялся. Скоро петухи пропоют, хозяйева проснутся, пора в дом. Поднялся, поплелся вразвалочку – да чуть за углом с хозяином нос к носу не столкнулся. Понесла его нелегкая спозаранку. Не спится. До ветру пошел. Пафнутий еле в кошку успел обернуться.

В сумерках да спросонья, Степан ничего не разглядел. А если и разглядел, то не понял. Только кошка незнакомая по ногам теранулась, замурлыкала, мякнула что-то. Нагнулся, погладил.

– Ты откуда такая, приبلуда? Не видел тебя раньше. Ну ладно, коли пришла – заходи, – приоткрыл дверь, кошка нырнула в темноту, а сам отправился дальше, по своим делам.

Степан был мужик одинокий, не старый еще. Всю жизнь прожил здесь, лесником, как дед и отец. От отца досталось хорошее хозяйство. Когда есть огород, скотина и руки откуда надо растут, ничего больше и не надо. Все свое, своими силами – и мебель, и продукты, а чего не хватало, то докупа-

лось. Женился Степан на Анюте из местной деревни. Всякое бывало, но жили дружно, душа в душу. Изредка выбирались в город: за зарплатой, вещами закупиться, погулять да в кино сходить. Жизнь шла своим чередом. Размеренная, неторопливая и счастливая.

Овдовел Степан рано. Дочке и двух лет не было. Простудилась Анюта, слегла. Фельдшер местный говорил про пневмонию. Отвезли ее в городскую больницу, там и померла.

Остался он с Лесей вдвоем. Сложно было. Растил, души не чаял, баловал. Выросла девчонка ладная, добрая. Отца любила, по хозяйству помогала. После школы в столицу учиться уехала, да там и осталась. Приезжала сначала на каникулы, скучала, часто созванивались на почте. Потом все реже и реже. А теперь разве открытки отцу шлет да письма. Их только Степан и ждет, дни считает. Почтальон сюда не доходит, вот и мотается сам на телеге чуть ли не каждый день в деревню. А вдруг Лесенька что написала? Съездит, с мужиками пообщается. А письмо получит – не нарадуется, до дыр перечитывает. Так и живет, ведет хозяйство, но скорее по привычке, не умеет по-другому, да и дни так идут быстрее.

Встретил Степан кошку, настроение поднялось на весь день. Хорошая примета, когда животные в дом сами приходят. Особенно кошка. Старики говорят, в кошку домовая оборачивается. Встретил его – к удаче. Может, Лесенька наконец-то приедет? Чует сердце, приедет.

Хозяин Пафнутию понравился сразу. Добрый, открытый, весь как на ладони. Животину любит – тоже хорошо. Поладим, точно поладим. Только груз какой-то на сердце у него. Тянет, мучает, жить спокойно не дает. Ждет чего-то, только тем и жив. А мужик видный, хозяйство ведет, не пьет – непонятно, чего один-то? Не успел толком домовою хозяйина рассмотреть, ну ничего, сейчас вернется – и все понятно станет. Могут так домовые: в глаза посмотреть и жизнь как книгу прочитать. В душу глянуть, в сердце побывать – что за человек, чем живет, чем дышит.

Весь день Пафнутий за печкой просидел. Привыкал, думал. Прибрался у себя в уголке, расставил все как надо. Все по-тихому, чтобы хозяина не пугать. День – не время для домового, негоже на глаза попадаться. Ночью все дела делаются. Пару раз выбегал кошкой, огляделся, так Степан сразу молочка плеснул, приласкал. Хорошо дома, чистенько, а с домовым теперь и уюту прибавится.

Ночью, как только хозяин улегся, решил осмотреться. Надо же свою делянку знать. Где что, откуда беды ждать, да и соседей посмотреть. А еще ведь и живность есть – кому овса подкинуть, кому зерна, поговорить с кем, гриву расчесать. Скотина, она тоже ласку любит, внимание, оттого и добрее будет к человеку, послушнее.

Вышел, животину подкормил. Не удержался, заплел пару косичек в гриве у лошади, Зорькой кличут. Ох и хоро-

ша кобыла. Высокая, справная, так и хочется прокатиться. Глянулась она ему. Вернулся в дом, за печку. Прилег. Скоро рассвет, а не спится. Беспокоит что-то, будто в доме кто не спит. Выглянул. Степан сопит себе, дрыхнет, как дитя. Чужой в доме? Стук странный. Показалось. Нет, вот опять. Всмотрелся в угол – шевелится что-то, будто сама тьма ворочается. «Ну, вот и соседи, – подумал домовый, – вот и свиделись!»

– Эй! Ты чего здесь делаешь? Откель взялась? А ну пшла, вон отседа! Тебя мне здесь не хватало, – Пафнутий уже выбрался из-за печи и стоял нахохлившись, по-хозяйски подбоченясь. – Ох и терпеть не могу я вашу породу!

– Тише ты, баламут. Хозяина разбудить не боишься? Горлопанит тут. Ты кто вообще такой? – темнота говорила скрипучим голосом, постепенно рассеиваясь и превращаясь в корявую, тощую фигуру со всклокоченной головой.

– Это я кто? – Пафнутий осерчал не на шутку. Только поселился, обустроиться не успел, а уже лезут всякие, хозяйничают. – Кикимора, она кикимора и есть. Ты че, не чувствуешь, домовый здесь, куда прешься?

Кикимора немного скукожилась, вроде как рассеялась, прозрачной стала, и вдруг – раз, стоит уже рядом. Вдвое выше, в грязных лохмотьях, нагнулась так, чтобы лицом к лицу. Страшная, глаза навывкате и воняет тинной, Пафнутий аж поперхнулся.

– Ты откуда такой? Шел бы ты взад, откуда взялся, – гово-

рит, а сама в глаза смотрит, ручищи костлявые тянет. В глазах у Пафнутия потемнело, поплыло все, тело ослабло.

– Сгною, изведу, а дом не отдам, – не шепчет, уже хрипит в лицо обмякшему домовому, а он ничего поделывать не может. Гонит она его из тела, гонит, оболочки лишает. Еще немного, и станет обычной тенью, призраком, что людей пугает. Потерял сноровку, залежался на печи. Да где это видано, чтобы в собственном доме, где силищи хоть отбавляй, домового какая-то рвань болотная изничтожила? Не бывать! Собрался Пафнутий, вскинул руку, ударил волной воздуха. Сильно так, от души. Кикимора не ожидала, не успела отскочить, жабой обернуться. Шарахнуло об стену так, что вся утварь посыпалась: чарки, половники, картинка какая-то, а кикимора грязным тряпьем рухнула рядом. Перестарался, аккуратней надо быть.

Степан вскочил: взъерошенный, испуганный, глазищи бешеные. Впопыхах пытается зажечь лампу, из рук все валится. Спихватился домовой, глянул в угол – тряпье исчезло. Сбежала, значит. Снова обернулся кошкой и ходит среди половников с виноватым видом.

– Ты что творишь, окаянная? Я чуть в портки не наделал! – Степан носился по дому, не зная, за что взяться. Сел на кровать, встал, опять побродил. Вышел на улицу, снова зашел. Стал собирать посуду. Бубнит что-то под нос, ругает на чем свет стоит бестолковую кошку. Пафнутий рядом крутится, мурлычет, об ноги трется, а самого смех разбирает –

больно забавный хозяин, когда всполошится. Да и хорошо так домовому стало, загордился собой. А как же, защитил дом, справился, хоть и сам чуть не сгинул. Но она вернется. Ох, не сдастся она, не оставит так просто дом. То ли еще будет.

Мокша шла по лесу, чуть не рыдая. Давно с ней так не обходились, давно не швыряли об стену. Точнее, никогда. Нескладная, кривая, тощая фигура брела среди деревьев, потрясая кулаками и размахивая костлявыми руками. Иногда останавливалась, топала, колотила по какому-нибудь дереву и ругала, обзывала проклятого домового, появившегося ниоткуда, страшными словами, призывала на его голову разные гадости, обещала скорой и ужасной расправы. Только пришел, а уже командует, выделяется. Тьфу, принесла нелегкая.

Давно Мокша облюбовала эту избу, а других поблизости и не было. В деревню путь неблизкий, идти лень, да и родное болото все дальше. Родным Мокша называла его только так, по привычке. Не любила она его, даже ненавидела, хоть и зависела от него, черпала силы, как домовой от дома. Жить в противной вонючей жиже не хотелось, но и поделывать ничего не могла, а тут – сухо, чисто, уютно. Кикимора навевалась сюда уже много лет. Помнила, как нынешний хозяин Степан еще агукал в люльке. Да что там Степан. Помнила его деда, ползающего с голым задом по полу с дудолей во рту

и везде сующего свой маленький любопытный нос. Все это Мокша видела как сейчас, но никак не могла припомнить, был ли в этом доме когда-нибудь домовый. Ну и хорошо, что не было, иначе не ходить бы ей сюда, а сидеть в тухлой воде, пугать лягушек. Докажи, что ты спокойно и тихо ведешь себя, не мешаешь, а просто хочешь посидеть в тепле и пряжу попрясть. Да он и слушать не станет, долбанет об стену и выгонит на все четыре стороны. Вот как сегодня. Домовые они такие, не терпят чужих. Особенно кикимор.

Мокша была кикиморой необычной, даже странной. Не хулиганила, хозяев ночами не пугала, посуду не расшвыривала и муку с солью не мешала, как любили делать остальные кикиморы. Можно сказать, заменяла домового. Прибиралась иногда, присматривала за домом, когда хозяев не было, нечисть разную проходящую отгоняла, да и людей лихих отпугивала, в общем, была очень даже приличным сумеречным. Да и злобствовала нечасто. И что так на домового надела, стала душу вытрясать? Одичала, что ли? А он теперь у себя дома, что ему еще оставалось, пришлось, конечно, от нее отбиваться. Эх-х... Делов-то натворила... Все равно обидно. Мокша дулась уже только по привычке, для порядка. Думала уже извиниться. Давно ни с кем не говорила, тяжело одной, а тут, может, поболтали бы. Хотя, дружить с домовым... Нет, не выйдет. Лес глухой, люди заходят редко. Из своих только леший Путята, да и тот какой-то полоумный. Сидит у себя в дупле, глаза горят. Ни с кем не общается, только лупяшка-

ми хлопает и лопочет что-то по-своему, видать, с деревьями разговаривает. Тоска тут, хоть волком вой.

Кикимора почти дошла до дома. Болото, конечно, противное, вязкое, но все же свое. А другого ничего теперь и нет. Пыталась когда-то Мокша создать здесь подобие уюта. Вырыла на дне ямку, да так хитро, что воды и жижи там почти не было. Получилась берлога. Или землянка. Не так хорошо, как в избе, но и в трясине не прозябаешь, как какой-нибудь водяной. Стены выскоблены от всякой мерзости, облеплены глиной. Вход, навроде занавесок, украшен болотной ряской. Даже пеньков у Путяты выпросила и сообразила стол со стулом. А чтоб красивее было, Мокша таскала разные цветочки да кустики. Неплохо вышло, по-домашнему, но все равно воняет. Болото все-таки.

Только успокоилась, к трясине подошла, нырнуть хотела – чует, не так что-то. На болоте чужой был. Дух вокруг совсем незнакомый. Запахов таких тут отродясь не было. А зловонит знатно, как смерть прошла. И следы кругом. Странные, таких давно не видела. Топтались на одном месте, будто искали что-то. Такие следы только самая мерзость оставляет. Та, что сдохла давно и вернулась. Откуда только повылазили. Надо изводить, а то житья совсем не будет. Только одной ну никак не справиться.

Выбрались на охоту в кой веки раз. Отдохнуть от жен, от городской суеты, от душных, до тошноты надоевших офи-

сов. Влад и Сергей брели по лесу, довольные выпавшей чередой праздников. Нечасто удается съездить на природу. То на работу в выходные, то по дому что-то сделать, а тут решили: «Плюнем на все и поедем!» Плюнули и поехали. Машину оставили на опушке. Места дикие, безлюдные, взять некому. Теперь шли вдвоем, вдыхая свежий воздух, об охоте и думать забыли. Хорошо в лесу. Идут, ищут, где бы посидеть, перекусить: выпить-то на природе, оно вдвойне приятно, да и ноша стеклянная тянет, а охота подождет. Идут с открытым ртом, головами вертят. Налюбоваться, надышаться не могут – и не замечают, что среди деревьев за ними наблюдают бесцветные, прищуренные глаза.

Кое-кто тоже вышел на охоту. И не для того, чтобы отдохнуть, а просто хотелось жрать. Широкие ноздри шумно, со свистом, втягивали воздух. С мощных, выпирающих челюстей тянулась густая мутная слюна. Маленькие заостренные уши подергивались с каждым шорохом. Два упыря нервно высматривали добычу, следили за каждым движением и пока решали: просто набить брюхо или размяться? Поиграть с добычей или сразу сожрать, унять пустой, глухо ноющий желудок?

Влад от неожиданности подскочил на месте. Мимо, сквозь кусты с треском продирался какой-то зверь.

– Что это? – Серега уже скинул ружье и тревожно озирался. Влад в ответ только пожал плечами. Ребята струхнули, скучковались спина к спине.

– Может, кабаны какие? Выбежит – сразу стреляй, а то с ног собьет, – лицо Влада покрылось испариной, коленки предательски тряслись. Топот и треск раздавались все ближе. Кто-то бежал по кругу, сокращая радиус.

– Вон он! – Влад судорожно ткнул пальцем куда-то в сторону. Из кустов вырвалось нечто серое. Серега только поднимал ружье, когда существо прыгнуло и на лету, с хрустом вонзило клыки в горло. Секунда – и охотник упал замертво. А тварь уже рвала его на части, с чавканьем и урчанием отрывала зубами огромные куски, помогая руками заталкивать их в пасть. Влад выстрелил, промахнулся, с воплем бросил ружье и побежал. Навстречу ему выскочил еще один, прыгнул. Парень оступися, тварь промахнулась. Влад рванул в другую сторону. Упырь скакал на всех четырех, не отставая.

Дыхалки уже не хватало, ноги не слушались, сапоги казались свинцовыми, а тварь то и дело норовила вцепиться, отхватить кусок побольше. Влад чувствовал ее дыхание, слышал, как клацают челюсти у самой шеи, брызжа слюной. Споткнувшись, он кубарем полетел с пригорка и угодил прямо в воду – кругом тянулась топь. С усилием поднялся и, задыхаясь, пошел дальше от берега в надежде, что эта дрянь не пойдет за ним.

Каждый шаг давался все труднее, ноги вязли в трясине, а тварь и впрямь осталась на суше и теперь носилась из стороны в сторону. «Не возьмешь», – мелькнуло в голове. Влад

рывками двигался вперед, погружаясь все глубже. Упрямо, из последних сил, боролся с вонючей жижей, но трясина затягивала и затягивала, подступая уже к лицу. Отчаяние накрывало, душила усталость, не давая даже закричать – а хотелось, во все горло. Не звать на помощь, а кричать – от безысходности, оттого, что все так нелепо, что больше ничего не оставалось. Грязь уже набивалась в ноздри, заполняла рот, лезла в горло. Вскоре Влада накрыло с головой, и потревоженная ряска стала медленно обступать оставшиеся на поверхности мутные пузыри. Последним рывком из трясины вытянулась рука, попыталась за что-то схватиться, обмякла и пропала. А тварь уже бежала по лесу, спешила, надеясь успеть дожрать единственную добычу.

Степан колот дрова, когда из леса раздались вопли с выстрелами. Громкие, отчаянные.

– Медведь кого дерет? – Степан рванул в дом, схватил ружье. На ходу заряжая, побежал к болоту.

Забеспокоился Пафнутий. Сначала звуки страшные из леса, теперь хозяин с бешеными глазами влетел в дом, как душегуб. Сорвал со стены ружье, схватил патроны и убежал. Ой, не к добру. Пафнутий впервые за долгие годы испугался. Не за себя, за хозяина. Только вселился, а тут на тебе. И кикимора, и еще вот не пойми что. Не хотелось жить спокойно – так на, получай.

Предчувствие было тягостное. Должно было что-то слу-

читься. Беда с утра стороной ходила, витала в воздухе, да так и не обошла. Выбежал Пафнутий за хозяином, помчался следом. Нельзя одного его пускать, нельзя. Налетел со всего маху на кикимору, даже не понял, что случилось.

– Что, домово́й, почуял? – кикимора выглядела уже не так, как ночью. Перед Пафнутием стояла низенькая, согбенная старушонка с круглым лицом.

– Опять ты! Что наколдовала? Уйди, не время, потом разберемся!

– Дурачина. Тебя хотела предупредить...

– О чем?

– Упыри в лесу.

– Ух ты! Откуда? – Пафнутий от неожиданности так и сел на землю.

– Ну, чего расселся, гачи вытянул? Бежим давай, а то сожрут Степана твоего.

Бросились за Степаном – по кустам, окольными путями, но из вида не выпускали. Хоть и чудно смотрелась кикимора в образе старушки, лихо скачущей через ямы да коряги, Пафнутию было не до смеха. Шутка ли, с упырями столкнуться? Ни разу с ними не встречался, да и не хотел: много слышал, опасные это твари. Упырями колдуны оборачиваются и люди, мучительной смертью погибшие.

Видел как-то давно, как хоронили в деревне. Засуха была, посевы зачахли, скотина передохла. Много людей тогда

от голода на тот свет ушло, много домовых осиротело, в пустых избах остались. Не пожелал бы Пафнутий такого никому, даже кикиморе. Горе, страх, люди негодуют, виноватых ищут, кто небо разгневал. Гостинцев собрали, отнесли старой ведьме, совета спросили. Ведьма знала, что делать. Людям нужен тот, на ком злобу сорвать, печаль выместить. А засуха сама пройдет. Ткнула корявым пальцем в кузнеца, не подумавши: «Вот он, – говорит, – колдун! Душу продал. От него все беды». Тут же подняли кузнеца на вилы, без разбору. Подняли громко, с визгом, с улюлюканьем. Никто не помянул его доброты, как в помощи не отказывал, как топоры да косы правил.

Федотом кузнеца звали. Пафнутий его имя навечно запомнил, то был его первый дом, первый хозяин. И жену его, Василису, запомнил, и детей, Митеньку и Васютку. Всех троих в хлеву сожгли, чтобы прощения у Бога вымолить. Запомнил, как хоронили их, что собак, в овраге. Порезали сухожилия у колен, чтобы не шатались, значит, после смерти. Насыпали пшеницы каждому: пусть считают крупу до самого страшного суда, коли упырями обернутся. Боялись мести после смерти, ох как боялись. Хорошо это запомнил Пафнутий. Как сейчас перед собой видел. Страшно было, и поделаться ничего нельзя. Возненавидел тогда людей, осерчал сильно. Долго никому в доме житья не давал. Ныла душа, покоя не давала. Дом тогда сожгли, нехорошим назвали, а Пафнутий долго еще дикарем скитался. После этого в деревне лю-

ди стали пропадать. Говорят, упырей в округе видели, будто четверо их и держатся все время вместе, всю деревню они извели, никого не оставили.

Степан давно так не бегал. Ладно бы только выстрелы, но вот крики... Стрелять могли охотники, хотя давно сюда никто не забредал. Но чтобы человек так орал истошно, никогда не слышал. Что-то случилось. У болота Степан остановился, перевел дыхание, прислушался. Вроде тихо. Опоздал? Какая-то возня на поляне, сквозь деревья не разглядеть. Двинулся дальше, осторожно, стараясь не шуметь. Подошел с подветренной стороны, чтобы не учуял кто раньше времени. Ружье в руках, мускулы напряжены, пальцы готовы нажать на курок. Раздвинул кусты, вышел на поляну – и встал как вкопанный, будто в землю врос. Ни крикнуть, ни шевельнуться. Как паралич пробил, только поджилки трясутся. В траве лежал человек, вернее, то, что от него осталось. Два тощих, отвратных уродца рвали его на части, жрали, утробно рыча. Степана замутило, вывернуло на траву. Пока в себя приходил, отплевывался да губы утирал, возня утихла. Поднял глаза, а уродцы уже на него смотрят, недобро, исподлобья. Подбираются медленно, по-звериному, и в стороны расходятся, вроде как окружают. Скалятся, слюной исходят. Урчат что-то, как переговариваются. Клыки длинные, смотреть страшно. А взгляд злой, ненавистный, сквозит могильным холодом, волю отбивает. Видно по глазам: ненави-

дят они все живое лютой злобой. Убивать больше чем жрать хотят, и смерть чужая для них слаще меда, потому как сами уже неживые, смерти принадлежат и все для нее делают, как жертву приносят. Чувствует Степан: конец пришел, сопротивляться – только время тянуть. «Побыстрее бы, – думает, – отмучиться сразу.» Надо что-то делать, а не может. Воля своя чужой заменилась и говорит: «Не дергайся, только хуже станет, больнее. Деваться тебе некуда, а так раз, и все. Совсем не больно. Разве что чуть-чуть». Сил никаких нет. Хочется ружье поднять, прострелить им бошки, превратить в решето, жизнь продать подороже. Ан нет, руки плетью висят, стоит, как телок на бойне, только слезы наворачиваются.

Вдруг звук раздался страшный, будто вздох, только громкий, мощный, оглушающий. Упыри уши прижали, застыли на месте, вроде как контузило. Зато со Степана морок как рукой сняло. Выстрелил, отлетел один. Все нутро разворотило, а ему хоть бы хны. Поднялся как ни в чем не бывало, башкой трясет, потерялся немного. Второй ослабил, прыгнул с распахнутой пастью. Степан от зубов-то увернулся, но подмяла тварина его под себя, надела, зубами вцепиться норовит, только успевай уворачиваться. Одной рукой Степан упыря за горло схватил, свободной стал колотить по отвратной морде почем зря. А зубы щелкают у самого лица, слюна капает, гнильем разит, хоть топор вешай. Эх, топор бы сейчас...

Пафнутий вышел к поляне вместе со Степаном, только с другой стороны. Почуял темную силу, наводящую морок. Умом завладеть хотят, чтобы хозяин не сопротивлялся. Отвлечь их надо, а как? Совладать с обоими сразу не выйдет, пока с одним провозишься, второй Степана сожрет. Покопился на кикимору. Чего от нее ждать? Поможет, не поможет, али в спину ударит? Что задумала? Эвон зыркает как зло, опять в бабу страшную обернулась, как ночью. Приготовилась к чему-то. У-у, морда лупоглазая! Что же делать? Эх, силенок-то здесь маловато, от дома далеко. А, была не была, хозяина спасать надо! Тут раздался вздох чей-то.

Упырей оглушило, Степан выстрелил, самое время вяжаться.

– Ой, Путята пожаловал, – удивилась кикимора. – А ты куда, суматошный?

Пафнутий уже рванул на поляну. Одной волной сбил упыря со Степана, второй отбросил хозяина подальше и очертя голову кинулся на уже приходивших в себя тварей.

Подбежал, схватил обоих за шкуру, ударил друг о друга головами, расшвырял, как котят. Кинулся снова. Один извернулся, бросился домовому на спину, второй вскочил на четвереньки, напряжился, приготовился прыгнуть. Пафнутий взмахнул рукой, но упырь отскочил. Вместо него деревце поломалось. Упырь зарычал, прыгнул на Пафнутия. Тот закрутился волчком, уворачиваясь от клыков. Твари облепили его, вцепились, не отпускают. Упал Пафнутий, вер-

тится как может, силы на исходе, того и гляди порвут на куски.

Подроспела Мокша, сорвала упыря с домового, откинула. Топнула – растеклась под ним лужа грязи. Пытается упырь подняться, да руки-ноги разъезжаются, скользят, вязнут. Повернулась кикимора домовому помочь, а тот уже оседлал второго, месит кулачищами по противной морде.

– Что делать-то будем, болотная? Их ведь только осина возьмет!

Смотрит Мокша, а упырь уже выбирается из лужи, подсыхает грязь. Топнула, снова увяз. Ну нельзя же их вечно так держать. Им, мертвым, все равно, усталости не ведают, а тут силы не казенные, заканчиваются. Ну почему у темных всегда сил больше?!

– Ну что ты ждешь, Путята? Али смотреть пришел? Смотри зенки не прогляди, а то полопаются, – завелась кикимора.

Вздыхнул лес тяжело, закрипел. Вырвалась из чащи коряга, выбила упыря из-под домового, прижала сверху тяжестью. Под вторым повылазили корни, спеленали так крепко, что двинуться не может, хоть и пытается, тужится сильно, но не выходит.

– От силища, вот так бы сразу, а то пупки надрываем, – Пафнутий уже отряхивал портки, выколупывал грязь из лаптей.

– Ну и что ты на них любиешься, осины, что ли, у тебя в лесу нет? – подбоченилась Мокша.

Лес снова вздохнул, но уже с обидой. Полетели с треском ветви и сучья, острые, как колья. Проткнули тварей. Вой поднялся страшный. В глазах у них зажегся страх: боятся умирать во второй раз. Покорчились упыри, покривились, да и растаяли, будто не было, только пыль серая пеплом летает.

– Ты там Степана, часом, не прибил?

– Жив он. Да ежели что, я бы почувствовал, хозяин все же.

– Ты с ним сроднился уже, даже лицом схож. Что делать будешь? Много он увидал, что видеть не надобно.

– Угу, набедокурил я...

– Да то ж не ты. Это вон те повылазили, откуда взялись только, неужто с Черного леса принесло.

– Откуда?

– Здесь часть леса наша. Тут Путята заправляет. Чуден он, конечно, мозги навыворот, но хороший, невредный. Это он недавно, лет пятьдесят тому, чудить стал. Из дупла не вылезит, рожи страшные корежит, а так добрый, разве туговат немного, ну ты видал. А другая половина леса черная. Деревья там древние, высохшие, сплелись все, аж солнце туда не доходит, днем хоть глаз коли. Ночью оттуда звуки страшные слышатся, вопли, крикхтения. Даже Путята туда не ходит, боится. Что там такое, никому неизвестно, а кто знал – тех уж нет давно. Зверь туда не ходит, птица стороной летит. Мертвое место там, гиблое. А Степану твоему я забвение нашла, забудет он все. Стоялая водица все в себя возьмет. Эх, чего только не помнит мое болотце, какие тайны хранит...

– На том спасибо. Слышал, что кикиморы память в болото прятать мастерицы, только не переборщи смотри.

– Да что ты все кикимора да кикимора, у меня и имя есть. Мокшей кличут.

– Пафнутий я.

– Ладно, Степан уже закрихтел, пойду, поколдую.

– Спасибо тебе, ежели б не ты... Ты это, приходи в дом, когда вздумается, посидим, покалякаем, чаю погоняем, у меня варенье есть...

– Малиновое?

– И малиновое.

– Поглядим еще.

Ночница

– Давай-давай, проходи, чай стынет... И ноги вытереть не забудь! С болота все-таки. Что так поздно, скоро петухи пропоют, а ты все не идешь, – бухтел Пафнутий, разливая чай.

– Какие петухи, только солнце село, Степан недавно заснул, даже дышит неровно еще. Что такой суетливый? Заскучал?

– А!.. – отмахнулся Пафнутий, состряпал огорчение на лице, посмотрел куда-то вдаль, на стену. Борода заходила ходуном, губы задергались, а глаза подозрительно заблестели. Того и гляди расплачется.

– Говори уже, упырь тебя подери, не томи. Что стряслось? – напустила на себя строгость кикимора, а сама улыбку еле сдерживает – больно милый домовой, когда волнуется и обижается. Маленький, пухленький, ходит смешно и рожи корежит, ну как ребенок... Только с бородой.

– Дочка к Степану приезжает завтра. Телеграмму он получил.

– Ну и пусть приезжает, хорошо же. Хоть радость ему, а то один совсем. Олесья – девчонка хорошая, я ее в колыбельке качала.

– Да Степану-то радость, а мне хлопоты. Прижился только, а тут новый человек: привыкай, приноравливайся. Да

и прятаться сложнее. От Степана немудрено укрыться, а тут уже... Что же мне теперь, целый день за печкой сидеть? Ой, беда-беда!

– Ну, ты наговоришь. Живут же домовые с целыми семьями, а ты сопли распустил, да было бы с чего. Фу, какой капризный!

– Все бы ничего, только с дитем она едет. Хозяин-то не знает, а я чувствую. Не люблю я детей. Лезут везде, нос суют, не укроешься от них. Ночью проснутся и зыркают на тебя. Никакого уединения, шагу ступить нельзя, все видят.

– Ну, дети сокрытое видят, но, пока маленькие, рассказать все равно ничего не смогут, а с возрастом зрение тайное пропадает, и не вспомнят уже ничего. Не расстраивайся. Радоваться надо. О Степане подумай, счастье какое ему. Да и тебе благо, семья растет, живет, и ты, значит, при деле будешь.

– Так-то оно так, но за детьми глаз да глаз. Смотри за ними, приглядывай. Нечисть до них всякая охоча, знай отгоняй, и в беде не оставишь, своя кровинушка уже, родная.

– Ой ты, какой заботливый стал. Да брось ты! Какая нечисть? Подумаешь, забрели упыри раз в двести лет, хоть кости размяли. Вон, Путятю расшевелили, здороваться хоть стал. Не бойсь, Пафнуша, справишься, а я помогу.

Пафнутий покивал-покивал, да и повеселел. Семью представил. Счастливую, большую. Дом, полный радости и уюта. Себя с Мокшей на лавочке, почему-то в обнимку. Встряхнул головой, улыбнулся:

– Пей чай, остыл уже. Давай медку подложу.

Поезд подполз к платформе, заскрипел, дернулся и застыл. Проводница с грохотом открыла дверь, опустила лестницу. Народ спешно, толкаясь, стал выходить, почувствовал свободу. Засиделись, заскучили в длинной дороге. Кто-то расправлял плечи, кто-то потягивался, забавно подпрыгивая. Вскоре все разбежались, оставив на платформе одинокого человека. Растерянно поглядывая по окнам, он ходил вдоль поезда, искал кого-то.

– Девушка, конечная, выходить будете? Поезд скоро в тупик отправится.

– Да, конечно, извините.

Олеся последний раз глянула в окно, вздохнула, стала собираться. Сиди не сиди, а идти надо. Вон папка на платформе стоит, волнуется. Ох, папка...

Соскучилась Олеся по дому, по отцу. Когда поля родные, леса увидела, сердце защемило от радости. Не терпелось приехать, папку увидеть, обняться. А теперь... К отцу выйти сил не находит. Как ему с ребенком на глаза показаться, да без мужа? «Опозорила, – скажет, – в подоле принесла». Страшно. Разочаровать страшно, когда в тебе души не чают. Но так хочется домой... Надо было сразу написать все как есть, сейчас было бы легче.

– Пап, я здесь. Привет! – улыбается, а саму всю трясет. Накрутила себя. Ой, что сейчас будет...

– Наконец-то, я уж волноваться начал, думал, стряслось чего! – Степан засветился от счастья, ручищи растопырил для объятий. Олеся расплакалась, прижалась к отцу. Комок в руках закрихтел, захныкал.

– Осторожно, большого человека раздавишь.

– Ой, кто это?

– Это – Андрюша, внук твой!

– Что же ты папке-то не сказала, на свадьбу не позвала?

А мужик где твой? – оторопел Степан, руки опустил.

– А нет его, вдвоем мы. Нам и без него хорошо. Да, сынок?

Или не примешь без мужа?

– Тьфу, типун тебе на язык. Как только в голову такое пришло. Дуреха ты, дочка, вся в мамку. По любви хоть, али по блуду?

– По любви...

– Ну-у, чего нюни-то распустила, чудо ты мое? Наконец-то приехала, совсем про отца забыла. Поехали быстрее домой, по дороге все расскажешь. Дай хоть внука подержать. А глаза-то мои!

– Да где ж их черти-то носят! Запропалились совсем! За полночь уже, а их все нет. За это время можно двадцать дочек привезти, а он все с одной не справится! – причитал Пафнутий.

– Да не гоношись ты! Знаешь же, путь не близкий, на телеге с кобылой ехать долго. На их месте я бы вообще в горо-

де заночевала, а с утра дальше двинулась.

– Много ты понимаешь. Да где они там телегу оставят, ты об этом подумала, садовая твоя башка? Сама-то давно из леса выбиралась? Конюшен нынче не сыщешь, так что приедут, еще как приедут. А если не приедут... – что он с ними делает, Пафнутий так и не придумал, да и не хотелось об этом думать. Лучше бы приехали.

Непорядок, когда хозяев дома нет. Неуютно становится, одиноко, холодно, и бежать хочется. То ли дело, когда хозяин под боком, рядом, пусть спит даже, а тепло сразу становится от одного присутствия. Эх, кабы не кикимора, совсем немоготу было бы, а тут пришла, поддержала. На дорогу с Пафнутием вышла. Стоят вдвоем, как привидения, в темноту всматриваются, хозяев встречают: вот-вот должна телега заскрипеть, еще немного, и Зорька из-за поворота покажется. Но все нет и нет, случилось чего? Да нет, домовой бы почуял.

Колесо снова заскрипело, юзом пошло. Лошадь всхрапнула, остановилась.

– Да чтоб тебя, окаянная! – Степан с фонарем в руках уже забрался под телегу, осматривал колесо, чем-то стучал, тихо ругаясь.

– Пап, что там?

– Да не пойму никак, дочка. Все нормально. Что не так? Всю душу вымотала эта дорога. Поехали дальше. Но! Пошла, родимая!

Как из города выехали, так и пошло неладное. То кобыла взбеленится, идти отказывается, то телега встрянет, то еще что. И Андрияша постоянно плачет, будто болит что-то. Забеспокоился Степан. Быстрее бы домой, но нет дороги и все тут. Как сглазил кто, словно бес привязался. Кое-как деревню миновали. А тут засмеркалось, к ночи дело идет. Воздух загустел вдруг, как кисель, дышать стало тяжело. Тишина кругом, только стук сердца гулом в груди отдает. Страх какой-то беспричинный, на душе тошно, хоть волком вой. Одна отрада: посмотришь на дочку с внуком, и легче становится, только ненадолго. Вон Олеся тоже смурная сидит, ребеночка к груди жмет. До этого щебетала без умолку, о себе рассказывала, а теперь молчок. Не по себе ей, чует неладное. Только где это неладное, в чем? Выйди, покажись! Не трави душу, не вытягивай жилы! Нащупал Степан под соломой ружье, придвинул поближе, так спокойнее. Да вот и дорожка уже родная к дому через лес идет. Скоро будем.

– Ну, хватит уже стоять, пойдем лучше еще чаю выпьем. Оттого что ты здесь торчишь, они быстрее не приедут.

– Может, пройдем чуток по дороге, навстречу, а?

– Слушай, домовой, хватит дурью маяться. Пойдем, говорю!

Пафнутий крикнул, махнул рукой, подался было вперед, на дорогу. Сделал шаг, другой, но не тут-то было. Мокша переменялась в лице от злости, снова превратилась в страш-

ную каргу. Схватила домового за рукав и волоком потащила к дому.

– Вот задрыга неугомонная! – осерчала кикимора.

– Отпусти! – хныкнул домовый, упираясь.

– Я тебя сейчас так отпущу... Хрястну оглоблей, да так, что борода осыплется!

– Отпусти, говорю!

– Не отпущу!

– Куда ты меня волохаеть?

– Чай пить.

– Отпусти! Слышишь, копыта стучат? Едут!

Мокша остановилась, прислушалась.

– И правда, телега скрипит, не обманул, старый, – Мокша уже снова стала доброй старушкой.

– Я не старый, – обиженно буркнул домовый, расправляя помятый рукав, – я зрелый!

– Скройся ты. Ближе они уже. Иль на глаза решил показаться?

Пафнутий ойкнул и тут же исчез.

– Чуешь? – шепнула Мокша.

– Ага! Нечистой запахло! Говорил же, нельзя Степана одного отпускать. Люди как дети. Как в город сунутся – сразу какую-нибудь заразу подцепят, изгоняй потом!

– Так говоришь, будто сам человеком не был. На то ты и домовый, чтобы очаг хранить.

– Подъехали почти. Давай, с двух сторон обходим и гоним

эту гадость в три шеи поганой метлой. Готова?

Поравнялась телега с домовым. Вот Степан сидит, фонарем дорогу высвечивает, лицо хмурое, усталое. Вот Олеся, вот дите... Не такое уж и страшное, это дите... А вот и она, зараза проклятушая! Сидит рядом с ними на телеге, улыбается, ногами болтает. Костлявая баба с длинными черными, как тьма в погребке, волосами. Гляделки, словно бельма, как пустота смотрит. Зубы настезь, пасть искривлена в злорадной ухмылке. Вместо одежды грязная, драная тряпка, вроде рубища. Кожа синяя, как у мертвяка, в язвах вся и струпьях. Тянет руки к дитятке, щиплет его, тычет в бока, тот плачет, слезами заливается. А Олеся агукает да баюкает бедное дитя, гадает, почему сынишке не спится?

Видать, нечисть эта пристала к ним еще в городе. Увидела ребенка, жажда проснулась, захотелось извести молодую душу. Так и едет с ними, страху нагоняет, дороги не дает. Степан с Олесей хоть и не видят ее, но чувствуют – давит она на них. Как от тучи, пасмурно от нее на душе.

Рыпнулся было домовый на нее, а страхолюдина его уже приметил. Вперила в Пафнутия бездонный взгляд, смотрит прямо внутрь, насквозь, и скалится зубастой улыбкой, широкой, от уха до уха, мерзко хихикая, как душевнобольная. Домовой остолбенел, ничего поделывать не может, только тоска вдруг пронзила и страх гложет. Вот провалиться бы на этом месте и не существовать, только бы такого не испытывать. Покуда Пафнутий мешкал, нечисть в червя обернулась, ска-

тилась с телеги и зарылась в землю.

– Ну и какого ты ничего не сделала?

– А сам-то! Меня заморозили, а ты чего ждал?

– Как она тебя могла заморозить, если она на меня смотрела, да так околдовала, что поделаться ничего не мог!

– Хватит врать, струсил – так и скажи! Она вылупила глазницы свои на меня. Смотрит, и будто поглощает, бррр, а я и взгляд отвести не могу!

– Меня тоже околдовала. Это что же, выходит, она нам обоим глаза отвела?

– Выходит. Только это еще умудриться надо.

– Да, хитра подлюка, – почесал бороду домовой, – а куда она подевалась-то?

– Ой, правда! Я и не заметила. Как отпустило меня, так ее уже не было. Может, нас увидела, испугалась и дала деру?

– Ну и пес с ней, баба с возу – волки сыты.

– Ты это, про баб не надо. И все равно осторожнее, вдруг вернется.

– Ага, у меня не забалуешь! Пойдем гостей встречать.

Ожил дом, стал теплее, светлее, будто внутрь больше солнца попадать стало, будто светит только для них. Да и Степан расцвел, встрепенулся, как после спячки. Мир в нем появился, радость. А внуку-то как рад, нянчится, агукает, улюлюкает. Наверное, всю жизнь об этом мечтал. Олеся тоже молодец. По дому крутится, порядок наводит. Папке подмога и радость. Пафнутий по привычке, успокоился, а по-

сле того, как с Мокшей на окна с дверьми наговор от зла сделали, совсем хорошо стало, настолько, что и желать больше нечего. И чего домовый боялся, дурачина? Свободы не убавилось, хлопот никаких. Проснется Андрейка ночью, а домовый тут как тут – убаюкает, понянчит. Любит маленький бандит Пафнутию в бороду вцепиться. Треплет волоса, смеется, словно ляльку нашел, а домовый хохочет, умиляется. Мокша только успевает шикать, боится, что хозяев разбудит.

Путята присматривал за этим лесом с давних пор. Насколько давних, что сам не помнил, с каких именно, и как не пытался, вспомнить не мог, да и времени на такие глупости не было. Леший давно перестал ощущать себя чем-то отдельным. Он сам и был своим лесом, а лес был им, и казалось ему, будто никакого Путяты уже и в помине нет.

Лес давно вырос, оформился, повзрослел, и лешему оставалось только поддерживать установленный им же порядок и слушать. Слушать и исправлять, если что не так. Путята знал все, что творилось в лесу. Все жалобы и просьбы обитателей он слышал сразу, одновременно, и было их много. Жаловаться любил каждый, от малой былиночки, крохотного муравья до вековечного дуба, росшего еще до Путяты. То дупло не поделают, то муравейник не там построили, то кто-то листья к зиме забыл сбросить – хлопот было много, и Путята со всем справлялся, везде успевал – иначе нельзя, иначе будет плохо и может случиться Большой Аяй. И Аяй этот

с ним уже случался.

Путята лешим тогда только обернулся. Был не настолько сучковат, и внешне еще не сильно походил на дерево. Так, старичок-лесовичок. Делянка досталась ему несладкая. Лес молодой, но уж больно разросшийся, огромный, запущенный. Лешего тут отродясь не водилось, оттого и росло все беспорядочно, в разные стороны. Справиться со всем было нелегко. Лес, он ведь как человек – рождается, растет, крепнет, стареет и умирает. И чем заботливее, усерднее леший, тем дольше живет и цветет лес, а если и умирает, то только вместе с лешим. Леший – тот же домовой, только в лесу. Уследить за всем сразу Путята тогда еще не мог: силенок и опыта не хватало, да и лес капризничал, вредничал по-всякому. Этот беспризорник никак не хотел признавать хозяина. Пытался доказать самостоятельность. Дескать, не вы меня посадили, не вам и растить! Ох и намучился с ним Путята, ох и намаялся, столько козней натерпелся.

Лес был с характером, но и Путята не лыком шит. Понимал, что нельзя сразу, нахрапом, силой взять – насильно мил не будешь. Искал лазеечки, круголями к лесному Сердцу плутал. Месяцами, годами – и подобрал-таки ключик: принял его лес. И не просто принял, а как родного, будто Путята всю жизнь с ним прожил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.